

ИГОРЬ
ГУБЕРМАН

**СМОТРЮ
НА БОЖИЙ МИР
Я ИСПОДЛОБЬЯ...**

Игорь Миронович Губерман
Смотрю на Божий мир я исподлобья...
Серия «Проза и Гарики»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885302
Игорь Губерман. Смотрю на Божий мир я исподлобья...: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77149-3

Аннотация

Кто из современных писателей может с легким сердцем посмеяться над неизбежностью старения и слабоумия, одновременно при этом прославляя красоту и хитрость женщин и воспевая спасительную силу вина и веселого блуда? Пожалуй, только прославленный сатирик Игорь Губерман. В переиздание входят уже любимыиися «Шестой иерусалимский дневник» и «Седьмой дневник», а также новые, специально для этой книги созданные гарики.

Содержание

Шестой иерусалимский дневник	5
Часть первая	5
Часть вторая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Игорь Губерман

Смотрю на Божий мир я исподлобья...

В оформлении переплета использована картина «Slightly Confused XI» *К. Победина*

Фотография Игоря Губермана на 4-й сторонке переплета *Д. Хубецовой*

© Губерман И., 2015

© Победин К., оформление переплета, 2015

© Хубецова Д., фотография, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Шестой иерусалимский дневник

Часть первая

В любой мелькающей эпохе,
везде стуча о стену лбами,
мы были фраеры и лохи,
однако не были жлобами.

* * *

Не то чтобы печален я и грустен,
а просто стали мысли несуразны:
мир личности настолько захолустен,
что скукой рождены его соблазны.

* * *

Реальность этой жизни так паскудна,
что рвётся, изнывая, на куски
душа моя, слепившаяся скудно
из жалости, тревоги и тоски.

* * *

Свободно я орудую ключом
к пустому головы моей сосуду:
едва решу не думать ни о чём,
как тут же лезут мысли отовсюду.

* * *

Накалялся до кровопролития
вечный спор, существует ли Бог,
но божественность акта соития
атеист опровергнуть не мог.

* * *

Мессия вида исполинского
сойдёт на горы и долины,
когда на свадьбе папы римского
раввин откушает свинины.

* * *

Я и откликнувшийся Бог —
вот пара дивных собеседников,
но наш возможный диалог
зашумлен воплями посредников.

* * *

Все мы перед Богом ходим голыми,
а пастух — следит за организмами:
счастье дарит редкими уколами,
а печали — длительными клизмами.

* * *

Людей ничуть я не виню
за удивительное свойство —
плести пугливую хуйню
вокруг любого беспокойства.

* * *

Мне стены комнаты тесны,
сегодня в путь я уложусь,
а завтра встречу три сосны
и в них охотно заблужусь.

* * *

Ушли мечты, погасли грёзы,
усохла роль в житейской драме,
но, как и прежде, рифма «розы»
меня тревожит вечерами.

* * *

Забавно мне: среди ровесников
по ходу мыслей их таинственных —
полно пугливых буревестников
и туча кроликов воинственных.

* * *

С утра душа моя взъерошена,
и, чтоб шуршанье улеглось,
я вспоминаю, что хорошего
вчера мне в жизни удалось.

* * *

Нашёл я для игры себе поляну,
играю с интересом и без фальши:
в далёких городах, куда ни гляну,
я думаю о тех, кто жил тут раньше.

* * *

Живу не в тоске и рыдании,
а даже почти хорошо,
я кайфа ищу в увядании,
но что-то пока не нашёл.

* * *

А на зовы прелестного искуса
я с отмеченных возрастом пор
то смотрю с отчуждением искоса,
то и вовсе – не вижу в упор.

* * *

Душа моя однажды переселится
в застенчивого тихого стыдливца,
и сушая случится с ним безделица —
он будет выпивать и материться.

* * *

Истории слепые катаклизмы,
хотя следить за ними интересно,
весьма калечат наши организмы —
душевно даже больше, чем телесно.

* * *

В дому моих воспоминаний
нигде – с подвала по чердак —
нет ни терзаний, ни стенаний,
так был безоблачен мудак.

* * *

Я ободрял интеллигенцию,
как песней взбадривают воинство,
я сочинял им индульгенцию
на сохранение достоинства.

* * *

Так часто под загадочностью сфинкса —
в предчувствии томительном и сладком —
являлись мне бездушие и свинство,
что стал я подозрителен к загадкам.

* * *

Он оставался ловелас,
когда весь пыл уже пропал,
он клал на девку мутный глаз
и тут же сидя засыпал.

* * *

Кто верил истово и честно,
в конце концов, на ложь ощерясь,
почти всегда и повсеместно
впадал в какую-нибудь ересь.

* * *

Я мучу всех и гибну сам
под распорядок и режим:
не в силах жить я по часам,
особенно – чужим.

* * *

Всё в мире любопытно и забавно,
порой понятно, чаще – не вполне,
а замыслы Творца уж и подавно —
чем дальше, тем загадочнее мне.

* * *

Благодарю, благоговя,—
за смех, за грусть, за свет в окне —
того безвестного еврея,
душа которого во мне.

* * *

Я на сугубо личном случае
имею смелость утверждать,
что бытия благополучие
в душе не селит благодать.

* * *

Ко мне стишки вернулись сами,
чем я тайком весьма горжусь:
мой автор, скрытый небесами,
решил, что я ещё гожусь.

* * *

Забавно мне моё еврейство
как разных сует совмещение:
игра, привычка, лицедейство,
и редко – самоощущение.

* * *

В жестоких эпохах весьма благотворным
я вижу (в утеху за муки),
что белое – белым, а чёрное – чёрным
узрят равнодушные внуки.

* * *

Все темы в наших разговорах
кипят заведомым пристрастием,
и победить в застольных спорах
возможно только неучастием.

* * *

Сегодня старый сон меня тревожил,
обидой отравив ночной уют:
я умер, но довольно скоро ожил,
а близкие меня не узнают.

* * *

С судьбой не то чтоб я дружил,
но глаз её всегда был точен:
в её побоях (заслужил)
ни разу не было пощёчин.

* * *

Я на гастролях – в роли попугая,
хотя иные вес и габарит:
вот новый город, публика другая,
и попка увлечённо говорит.

* * *

Наше бытовое трепыхание
зря мы свысока браним за водкой,
это благородное дыхание
жизни нашей, зыбкой и короткой.

* * *

А премий – ряд бесчисленный,
но я не награждаем:
мой голос легкомысленный
никем не уважаем.

* * *

Весьма в ходу сейчас эрзацы —
любви, привязанности, чести,
чем умножаются мерзавцы,
легко клубящиеся вместе.

* * *

К долгой славе сделал я шажок,
очень хитрый (ибо не дебил):
новые стихи я с понтом сжѐг
и про это всюду раструбил.

* * *

Сопит надежда в кулачке,
приборы шкалит на грозу;
забавно жить на пяточке,
который всем – бельмо в глазу.

* * *

Кто много ездил, скажет честно
и подтвердит, пускай беззвучно,
что на планете нету места,
где и надёжно, и не скучно.

* * *

Когда, восторжен и неистов,
я грею строчку до кипения,
то на обрез попутных смыслов
нет у меня уже терпения.

* * *

Моя задорная трепливость —
костюм публичности и членства,
а молчаливость и сонливость —
халат домашнего блаженства.

* * *

Так редок час душевного прилива,
ласкающего старческую сушь,
что я минуты эти торопливо
использую на письменную чушь.

* * *

Пока живу, звучит во мне струна —
мучительная, жалобная, лестная;
увы, есть похоть творчества — она
живучей, чем сестра её телесная.

* * *

Шушера, шваль, шантрапа со шпаной —
каждый, однако, с пыльцой дарования —
шляются в памяти смутной толпой
из неразборчивых лет созревания.

* * *

С утра весь день хожу смурной,
тоской дыханье пропиталось,
как будто видел сон дурной
и ощущение – осталось.

* * *

Движение по небу облаков,
какая станет баба кем беременна,
внезапную активность мудаков —
Создатель расчисляет одновременно.

* * *

Скоморошество, фиглярство,
клоунада, шутовство —
мастерства живое царство
и свободы торжество.

* * *

Пусть ходит почва ходуном,
грохочет гром, разверзлись хляби,
но кто родился блядуном —
идёт под молниями к бабе.

* * *

Пространство жизни нами сужено
(опаска, сытость, нет порыва),
а фарта тёмная жемчужина
всегда гнездится у обрыва.

* * *

С утра умылся, выпил кофе
и обволокся дымом серым;
к любой готов я катастрофе,
любым распахнут я химерам.

* * *

В какой ни скроемся пещере,
пока лихие годы минут,
лихое время сыщет щели,
через которые нас вынут.

* * *

Конторское в бумагах копошение
и снулая семейная кровать —
великое рождают искушение
чего-нибудь поджечь или взорвать.

* * *

Свобода, красота и справедливость
не зря одушевляли нас веками,
мне только неприятна их плешивость
от лапания подлыми руками.

* * *

Когда мы жалуемся, хныча,
мы – бесов лёгкая добыча.

* * *

Кто светел, чист и непорочен,
исполнен принципов тугих,
обычно тяжко заморочен
мечтой улучшить и других.

* * *

Где плоти воздаётся уважение,
и духу достаётся ублажение.

* * *

По жизни всей отпетый грешник
и всехних слабостей свидетель,
отменный быть я мог насмешник,
но я – печальник и жалетель.

* * *

Дивным фактом, что, канув во тьму,
мы в иных обретаемся кущах,
не случилось пока никому
достоверно утешить живущих.

* * *

Взойдёт огонь большой войны,
взыграет бойня дикая,
по чувствам каждой стороны —
святая и великая.

* * *

Где теперь болтуны и задиры,
посылавшие времени вызов?
Занимают надолго сортиры
и дремотно глядят в телевизор.

* * *

Жестокость жизни беспредельна,
слезу не грех смахнуть украдкой,
а вместе с этим нераздельно —
блаженство пьесы этой краткой.

* * *

В пространстве духа тьмой кустисты
углы за светлыми дворами,
там оборотни-гуманисты
стоят обычно с топорами.

* * *

Пока наш век неслышно тает,
душа – болит, а дух – витает.

* * *

Похоже, я немного раздвоился,
при этом не во сне, а наяву:
я тот люблю дурдом, где я родился,
и тот люблю дурдом, где я живу.

* * *

По виду несходства раздор наш понятен,
и зряшны резоны цветистые:
за грязные руки он мне неприятен,
а я ему мерзок – за чистые.

* * *

Чепуху и ахинею
сочиняя на ходу,
я от радости пьянею —
я на выпивку иду.

* * *

Безжалостно двуногое создание,
и если изнутри, не напоказ
в душе у нас родится сострадание —
то кто-то им одаривает нас.

* * *

Со склона круче понесло,
теперь нужны и ум, и чувства,
поскольку старость – ремесло
с изрядной порцией искусства.

* * *

У жизни остаются наслаждения:
ещё перо в чернила я макаю,
и праздные леплю свои суждения,
и слабостям посильно потакаю.

* * *

Мы вместе пили, спорили, курили,
и в радости встречались, и в печали...
Недообщались, недоговорили
и просто мало рядом помолчали.

* * *

Укрыть себя, прильнуть и слиться,
деля душевность и уют,—
как мы везде хотим! Но лица

нас беспощадно выдают.

* * *

Увы, когда покинула потенция,
её не заменяет элоквенция.

* * *

Когда бы вдруг вернуть я смог
то, что терял или пропил,
то царской выделки чертог
я б даже с мебелью купил.

* * *

Есть мысли – очень часто из известных,
несущие заметные следы,
настолько отпечатались на текстах
их авторов чугунные зады.

* * *

Мне кажется, в устройство мироздания,
где многому Творец расчислил норму,
заранее заложены страдания,
а время в них меняет вид и форму.

* * *

Повеял тёмным и нездешним
летучий шёпот мысли грешной,
но дуновением не внешним,
а из душевной тьмы кромешной.

* * *

В повадке, мимике и жесте,
а также в умственной наличности
всегда есть сведенья о месте,
где место этой милой личности.

* * *

Я много раз давал зарок
являть недвижимую солидность,
но верю я – наступит срок,
её придаст мне инвалидность.

* * *

Из массы зрительных явлений
люблю я девок на экране:
игра их нежных сочленений
бодрит меня, как соль на ране.

* * *

Витиевато, вяло, выпренно,
косноязыча суть и слово,
пытался высказать я искренно,
как дивно всё и как хуёво.

* * *

Время сыплет медленный песок,
будущим заведуют гадалки,
муза Клио катит колесо
и сама в него вставляет палки.

* * *

Если в мыслях разброд и шатание —
значит, выпивкой скудно питание.

* * *

Совсем уже бедняга – не герой,
а выглядел когда-то победительно,
кого-то ещё трахает порой,
однако же не очень убедительно.

* * *

Нас не тянет в неведомый рай,
наша участь и тут не бедна:
всё, что нам наливают по край,
мы легко выпиваем до дна.

* * *

В утопшей Атлантиде мне таинственно,
что, если бы и впрямь она была,
её бы помянули многолиственно
еврейские торговые дела.

* * *

Играет крупно Сатана,
спустившийся с небес:
часть жизни Богом нам дана,
а часть нам дарит бес.

* * *

Нелепо – сразу от порога
судить и предопределять:
чем нынче строже недотрога,
тем послезавтра круче блядь.

* * *

Цветы прельстительного зла
обычно так однообразны,
что только пыльного козла
влекут их жухлые соблазны.

* * *

Хотя я в меру разума и сил
судьбу свою клонил к увеселению,
у Бога я подачек не просил,
а сам Он не давал их, к сожалению.

* * *

Кому-то являясь то быдлом, то сбродом,
надежды вселяя в кого-то,
народ очень редко бывает народом,
он чаще – толпа и болото.

* * *

Мы часто в чаяньях заветных
нуждаемся в совете Божьем,
но знаков от него ответных
постичь не можем.

* * *

Как волк матёрый на ягнят
взирает издали из леса,
на наших шумных жиденят

тепло глядят глаза прогресса.

* * *

Ни разу я за жизнь мою
не помню злобного порыва и гнева мутного,
пускай враги мои в раю
сто лет поют без перерыва, даже минутного.

* * *

Себя трудом я не морочу,
высокий образ не леплю,
и сплю охотно днём. А ночью
весьма охотно тоже сплю.

* * *

Течение жизни нашей плавное
благодаря скупым мыслишкам
приобрело журчанье славное:
нам ничего не надо слишком.

* * *

По жизни дороги окольные,
изгойства надменные корчи
и тёмные мысли подпольные —
рассудка блаженные порчи.

* * *

Уча Талмуд, евреи стрёмные
наглеют в ходе обучения
и Богу шлют не просьбы скромные,
а деловые поручения.

* * *

Прочёл я море умных книг
(хотя люблю я – ахинею),
ни на секунду не возник
во мне восторг, что я умнею.

* * *

Сегодня с мудаками на обеде я
сидел невозмутимо и спокойно;
достоинство участника трагедии —
в умении вести себя достойно.

* * *

Лихой типаж – унылая сиротка.
В компаниях такие молчаливы.
Улыбчивы, но коротко и кротко.
Застенчивы. И дьявольски ебливы.

* * *

Мне кажется давным уже давно,
и мне от понимания приятно:
мы вставлены в какое-то кино,
а кто его снимает – непонятно.

* * *

Мы затем и склонны к окаянству
дёргаться, лететь куда-то страстно,
что, перемещаясь по пространству,
время проживаем не напрасно.

* * *

Чего-то кажется мне, Господи,
(сужу я зряче, без поспешности),
что рай – большой недолгий госпиталь
по излечению безгрешности.

* * *

По городской живя погоде,
набит повадкой городской,
я отношусь к живой природе
с почтеньем, тактом и тоской.

* * *

Бумагу, девственно пустую,
не зря держу я под рукой,
сейчас я чушь по ней густую
пущу рифмованной строкой.

* * *

Когда-то мчался на рысях
я на своих на двух;
теперь едва плетусь – иссяк
и в них задора дух.

* * *

Что делать с обузданием уroda?
Плюя на все укоры и сентенции,
еврей, потенциальный враг народа,
ничуть не расположен к импотенции.

* * *

Мы понимали плохо смолоду,
что зря удача не является:
кто держит Господа за бороду,
тот держит дьявола за яйца.

* * *

Вполне, конечно, молодость права,
что помнить об ушедших нет обычая,
но даже загулявшая вдова —
и та порою плачет для приличия.

* * *

Когда я был совсем бедняк —
а так оно порой бывало,
то всё же не было и дня,
чтоб я не выпил мало-мало.

* * *

Поэты разных уровней, ступеней
и звучностей – в одном ужасно схожи:
пронзительность последних песнопений
морозом отзывается по коже.

* * *

Святые книги умолчали
о важной вещи:
и в малой мудрости печали —
ничуть не меньше.

* * *

Есть почему-то чувство кражи,
когда разносится слухок
о медицинской запродаже
печёнок, почек и кишок.

* * *

В любом горемычном событии
со временем блекнет основа:
его вспоминая в подпитии,
находишь немало смешного.

* * *

То на душе как будто гири,
то вдруг опять она легка —
везде тоска в подлунном мире
течёт сквозь нас, как облака.

* * *

Беженец, пришлый, чужак —
могут прижиться в народе,
только до смерти свежа
память у них об исходе.

* * *

Так безумна всеобщая спешка,
словно жизни лежат на весах,
и незримая Божья усмешка
над кишеньем висит в небесах.

* * *

Я главным образом от жажды
страдал десятки дивных лет,
я заливал её многажды,
но утоленья нет как нет.

* * *

Когда сидит гавна мешок
и смачно сеет просвещение,
я нюхом чувствую душок
и покидаю помещение.

* * *

По возрасту я вышел на вираж,
последний и не столь уже крутой,
хотел бы сохранить я свой кураж
до полного слиянья с темнотой.

* * *

Очень часто нам от разных наших бед —
и обида в их числе, и поражение —
помогает своевременный обед,
возлияние и словоизвержение.

* * *

Уютно и славно живётся в курятнике;
что нужно мне? — стол и кровать;
порой к нам орлы залетают стервятники —
духовную плоть поклевать.

* * *

Я издаю стихи не даром
и вою их, взойдя на сцену,
своим актёрским гонораром
я им удваиваю цену.

* * *

Пускай любой поёт, как кочет,
учить желая и внушать,
но проклят будь, кто всуе хочет
нам нынче выпить помешать.

* * *

Нынче думал о России в полусне:
там весной везде кудрявятся берёзки,
а впитав тепло свободы по весне,
распускаются лихие отморозки.

* * *

Любое в мире текстов появление
таланта между гнили и мудил —
в такое меня вводит умиление,
как если б это я его родил.

* * *

По жизни моё достижение —
умение вмиг и заранее
надеть на лицо выражение,
пристойное духу собрания.

* * *

О чём предупредить они стремятся?
Зачем уже который раз подряд
ушедшие друзья мне ночью снятся
и что-то непонятно говорят?

* * *

Любая дребедень и залепуха,
придуманная сочно и не бледно,
влетая в оттопыренное ухо,
уже не растворяется бесследно.

* * *

Рутины болотная ряска
взрывается вдруг и некстати,
но всякая нервная встряска —
полезна душе в результате.

* * *

Российский нецензурный лексикон —
великое богатство русской речи,
и счастлив я, что капнул в сей флакон
ту каплю, что не долили предтечи.

* * *

Боюсь я, вот-вот прекратится
во мне клокотание звука,
и там, где курлыкала птица,
поселится тёмная скука.

* * *

Я столь же к женским чарам восприимчив,
но менее, чем раньше, предприимчив.

* * *

Смешно слегка для пишущего матом,
но очень ощущение эти часты:
я чувствую себя аристократом
из некой не оформившейся касты.

* * *

Нет, судьба не лепится сама,
много в ней и лично моего:
смолоду не нажил я ума,
а состарясь – выжил из него.

* * *

Еврею строить на песке —
вполне удобно и привычно,
а что висит на волоске,
то долговременно обычно.

* * *

Когда я на прогулки пешие
внутри себя порой хожу,
то там такие бродят лешие,
что криком я себя бужу.

* * *

Когда-нибудь люди посмотрят иначе
на всё, что мы видели рядом,—
текущее время намного богаче
доступного нынешним взглядам.

* * *

Ввиду гигиенических мотивов
любых я избегаю коллективов.

* * *

Есть и радость у старости чинной,
когда всё неозвратно ушло:
перестав притворяться мужчиной,
видишь лучше, как это смешно.

* * *

Мы часто принимаем за харизму
готовность всем на свете вставить клизму.

* * *

Никем, конечно, это не доказано,
однако может чувство подтвердить:
умение терять интимно связано
с умением и даром находить.

* * *

Не часто судьба посылает нам вызов,
и смелость нужна для понятия,
что шанс на удачу высок или низок —
не важно для факта принятия.

* * *

Всё-таки сибирские морозы
вдули в меня лаской милицейской
гомеопатические дозы
тухлой осторожности житейской.

* * *

Когда бы человечеству приспичило,
а я как раз такое изобрёл,
душой бы воспарил я, как орёл,
и чтоб изобретение фурычило.

* * *

Ещё душа в мечтах и звуках,
и крепко мы ещё грешны,
а ген бурлит уже во внуках,
и внукам мы уже смешны.

* * *

Сексуальной игры виртуозы
весь их век до почтенных седин
увлечённо варьируют позы,
но итог – неизменно один.

* * *

Перемешай желток в белке,
и суть блеснёт сама:
в любом отпетом дураке —
полным-полно ума.

* * *

Жаль, не освоил я наук
и не достиг учёных званий,
а жил бы важно, как паук,
на паутине тонких знаний.

* * *

Мышления азартное безделье —
целительно для думающей личности:
всегда в удачной мысли есть веселье —
и даже в постижении трагичности.

* * *

У подряхления убогого
есть утешение лишь то,
что нет уже довольно многого,
но меньше хочется зато.

* * *

Чем были яростней метели,
чем был надрывней ветра вой,
тем чаще я дремал в постели
и укрывался с головой.

* * *

По счастью, мы не полными калеками
из долгой темноты вошли в потёмки,
а в полном смысле слова человеками
уже, возможно, станут лишь потомки.

* * *

Ведя за миром наблюдение,
живу рассеянно и наспех,
великое произведение
создам я позже курам на смех.

* * *

В пространстве умозаключений,
где всюду – чистая страница,
такой простор для приключений,
что и реальности не снится.

* * *

Тупая и пожизненная страсть
отыскивать слова, ловя созвучия,
меня так истрепала и замучила,
что лучше бы умел я деньги красть.

* * *

В синклит учёных я не вхож,
но видно мне без разъяснений:
еврейский гений с русским схож —
они цветут от утеснений.

* * *

Печальный и злокачественный случай,
зовущий собутыльников к терпению:
я мыслящий тростник, но не певучий,
а выпивка меня склоняет к пению.

* * *

Конечно, мы сгораем не дотла,
и что-то после нас ещё витает,
но времени суровая метла
и воздух беспощадно подметает.

* * *

Привычка думать головой —
одна из черт сугубо личных,
поскольку ум как таковой
у разных лиц – в местах различных.

* * *

Нет, я не наслажусь уже моментом,
когда не станет злобы воспалённой,
и выпьют людоед с интеллигентом,
и веточкой занюхают зелёной.

* * *

Со всеми слабостями нашими
душой мы выше в годы низкие,
а беззащитность и бесстрашие —
друзья и верные, и близкие.

* * *

Такие случаются дни
весеннего света и неги,
что даже трухлявые пни
пускают живые побеги.

* * *

Моё существование двояко:
вкушаю дивной жизни благодать,
чтоб тут же с упоением маньяка
бумаге эту радость передать.

* * *

По лесу в тусклом настроении
я брёл, печалюсь о старении,
а меж белеющих берёз
вital рассеянный склероз.

* * *

С утра свободен завтра буду,
ещё запрუსь на всякий случай,
и сладостно предамся блюду
словосмесительных созвучий.

* * *

Духом усохли, прибавились в теле
бывшие фавны, былые сатиры;
прежде – забавы, застолья, постели,
нынче – аптеки, врачи и сортиры.

* * *

Увы, жестока наша участь:
у века – злобы дух густой,
у денег – малость и текучесть,
у мыслей – вялость и застой.

* * *

В моей читательской игре —
пустые траты,
но вдруг на мёртвом пустыре —
цветок цитаты.

* * *

Стукнет час оборваться годам,
и вино моё будет допито,
а немедля, как дуба я дам,
и Пегас мой откинёт копыта.

* * *

С эпохой долгое соседство
мне по крупинке нанесло
всё, что оставлю я в наследство,—
моё там только ремесло.

* * *

Нет, я не изменяюсь, не расту,
живу себе ни шатко и ни валко,
но видно и слепому за версту,
что я не улучшаюсь, — вот ведь жалко.

* * *

Текла, кипела и сочилась
моя судьба — то гнев, то нежность;
со мною всё уже случилось,
осталась только неизбежность.

* * *

Может, мы и неприятней
основного населения,
но хула Творцу занятней,
чем корыстные моления.

* * *

Моё пространство жизни сужено,
о чём печалюсь я не очень:
ведь мы всегда во время ужина
уже вполне готовы к ночи.

* * *

В небо глядя, чтоб развеяться,
я подумал нынче вечером:
если не на что надеяться,
то бояться тоже нечего.

* * *

Много книжек я в жизни прочёл,
и печаль мою каждый поймёт:
мы гораздо бездарнее пчёл —
я лишь горечь собрал, а не мёд.

* * *

Все плоды святого вдохновения —
илистое дно реки забвения.

* * *

Весь мир вокруг уже иной,
у нас – эпоха провожаний,
а бедный стих, зачатый мной,
утонет в море подражаний.

* * *

Не тот мужчина, кто скулит,
что стал постыдный инвалид,
а тот мужчина, кто ни звука
о том, какая это мука.

* * *

Когда впадаешь в созерцание
любых камней, извечно местных,
душе является мерцание
каких-то смыслов бессловесных.

* * *

Бродя по жизненным аллеям,
со вкусом я на свете пожил,
полит был дёгтем и елеем
и сам гавно метал я тоже.

* * *

Боюсь давно уже заранее
и разобрался в сути я:
мне вязкий ужас умирания
страшней, чем страх небытия.

* * *

На стыке пошлости и свинства
сочней кудрявится единство.

* * *

Навряд ли буду удостоен
я с бодрым будущим свидания —
мой стих на жалости настоян
и на печали сострадания.

* * *

Когда-то были темой споров —
свобода, равенство и братство,
сегодня стержень разговоров —
погода, празднество и блядство.

* * *

Прости, жена, прощайте, дети,
мы с вами встретимся потом,
я вас любил на этом свете,
рад буду свидеться на том.

* * *

Я за удачное словцо,
печалям жизни гармоничное,
готов пожертвовать яйцо —
но, разумеется, не личное.

* * *

Во всех земных иллюзиях изверясь,
я в полной пустоте себя застал;
явись какая дерзостная ересь,
я с радостью фанатиком бы стал.

* * *

Езжу по миру и смехом торгую —
словно купец при незримом товаре;
сам я сыскал себе долю такую,
редкую даже для мыслящей твари.

* * *

Какая бы и где ни тлела смута,
раздоры и кровавая охота,
настолько это выгодно кому-то,
что пламя раздувают эти кто-то.

* * *

Если жизнь безупречно отлажена
и минует любое ненастье,
непременно объявится скважина,
сквозь которую вытекло счастье.

* * *

Нам жажда свойственна густая —
с толпою слиться заодно,
а стадо это или стая,
понять не сразу нам дано.

* * *

Вчера ко мне забрёл ходячий бред
и жарко бормотал про вред безверия,
на что я возражал, что главный вред
растёт из темноты и лицемерия.

* * *

Дряхлением не слишком озабочен,
живу без вздыханий и стенаний,
чердак мой обветшалый стал непрочен,
и сыпется труха воспоминаний.

* * *

Меня почти не беспокоя,
душа таит себя и прячет,
и только утром с перепоя
она во мне болит и плачет.

* * *

Как бы ни орудовало знанием
наше суетливое мышление,
правило и правит мирозданием
хаоса слепое копошение.

* * *

Когда мы ни звонков, ни писем
уже не ждём, то в эти годы
ещё сильнее мы зависим
от нашей внутренней погоды.

* * *

Увы, прервётся в миг урочный
моё земное бытие —
и, не закончив пир полночный,
я отойду в непитие.

* * *

В нас долго бились искры света,
но он погас;
могила праведника – это
любой из нас.

* * *

Мужчины с женщиной слияние,
являясь радостью интимной,
имеет сильное влияние
на климат жизни коллективной.

* * *

И носы у нас обвисли,
и глаза печальны очень,
камасутренние мысли
исчезают ближе к ночи.

* * *

Фортуна коварна, капризна
и взбалмошна, как молодёжь,
и в анус вонзается клизма,
когда её вовсе не ждёшь.

* * *

Воздержаны в сужденьях старики,
поскольку слабосильны и убоги,
однако всем резонам вопреки
в них тихо пузырятся педагоги.

* * *

По счастью, в нас во всех таится
глухое чувство бесшабашное:
у смерти так различны лица,
что нам достанется нестрашное.

* * *

Хотя семейный гнёт ослаб
и стал теплей уют,
но мужики орут на баб,
когда их бабы бьют.

* * *

Во мне звучит, не умолкая
и сердце тиская моё,
глухая музыка – толкая
на поиск текста под неё.

* * *

Где мой гонор, кураж и задор?
Где мой пафос, апломб и парение?
Я плету ахинею и вздор,
не впадая в былое горение.

* * *

Итог уже почти я подытожил
за время, что на свете я гостил:
навряд ли в мире мудрость я умножил,
зато и мало скорби напустил.

* * *

Кто-то рядом, быть может, и около
проживает в полнейшей безвестности,
но дыхание духа высокого —
благоотворно пространству окрестности.

* * *

Болезней тяжких испытания,
насколько я могу понять,
шлёт Бог не в целях воспитания,
а чтобы нашу прыть унять.

* * *

Хроника лет начинает виток
будущей травмы земной:
миром испробован первый глоток
новой отравы чумной.

* * *

Сделался вкус мой богаче оттенками,
тоньше, острее, но не строже:
раньше любил я брюнеток с шатенками,
нынче – и крашенных тоже.

* * *

Возле устья житейской реки,
где шумы бытия уже глуше,
ощущают покой старики,
и заметно светлеют их души.

* * *

Восьмой десяток, первый день.
Сохранна речь, осмыслен взгляд.
Уже вполне трухлявый пенёк,
а соки всё ещё бурлят.

* * *

Я книжек дикое количество
за срок земной успел испечь;
когда не станет электричества,
топиться будет ими печь.

* * *

Огромность скважины замочной
с её экранами цветистыми
даёт возможности заочной,
но тесной близости с артистами.

* * *

Сейчас вокруг иные нравы,
ебутся все напропалую,
но старики, конечно, правы,
что врут про нравственность былую.

* * *

Когда накатит явное везение
и следует вести себя практично,
то совести живое угрызение
помалкивает чутко и тактично.

* * *

Склад ума еврейского таков,
что раскрыт полярности суждений;
тот же склад – у наших мудаков
с каменной границей убеждений.

* * *

Забавно, как потомки назовут
загадочность еврейского томления:
евреи любят землю, где живут,
ревнивей коренного населения.

* * *

А я б во всех газетах тиснул акт
для всехнего повсюду любования:
«Агрессией является сам факт
еврейского на свете пребывания».

* * *

Во мне так очевидно графоманство,
что я – его чистейшее явление:
пишу не ради славы или чванства,
а просто совершаю выделение.

* * *

Если впрямь существует чистилище,
то оно без конца и без края
безразмерно большое вместилище
дезертиров из ада и рая.

* * *

Любой росток легонько дёрни
и посмотри без торопливости:
любого зла густые корни
растут из почвы справедливости.

* * *

Господь, ценя мышление отважное,
не может не беречь мой организм;
я в Боге обнаружил нечто важное:
глобальный, абсолютный похуизм.

* * *

Печальна человеческая карма:
с годами нет ни грации, ни шарма.

* * *

Прихваченный вопросом графомана,
понравилась ли мне его бурда,
я мягко отвечаю без обмана,
что я читать не стал, однако – да.

* * *

Близится, бесшумно возрастая,
вязкая дремота в умилении,
мыслей улетающая стая
машет мне крылами в отдалении.

* * *

Что-то я сдурел на склоне лет,
строки словоблудствуют в куплет,
даже про желудка несварение
тянет написать стихотворение.

* * *

Сегодня, присмотреться если строже,
я думал, повесть буйную жуя,
страдальцы и насильники – похожи,
в них родственность повсюду вижу я.

* * *

Уже слетелись к полно вороны,
чтоб завтра павших рвать подряд,
и «С нами Бог!» – по обе стороны
в обоих станах говорят.

* * *

У многих я и многому учился —
у жизни, у людей и у традиций,
покуда, наконец, не наловчился
своим лишь разуменьем обходиться.

* * *

С интересом ловлю я детали
наступающей старческой слабости:
мне стихи мои нравиться стали,
и хуле я внимаю без радости.

* * *

Я никого не обвиняю,
но горьки старости уроки:
теперь я часто сочиняю

свои же собственные строки.

* * *

Уверен я: в любые времена,
во благе будет мир или в беде,
но наши не сотрутся имена —
поскольку не написаны нигде.

* * *

Согревши воду на огне,
когда придёшь домой,
не мой, красавица, при мне
и при других не мой.

* * *

Радость понимать и познавать
знают даже нищий и калека,
плюс ещё возможность выпивать —
тройственное счастье человека.

* * *

Сколь ни обоюдна душ истома,
как бы пламя ни было взаимно,
женщина в её постели дома —
более к любви гостеприимна.

* * *

Мир земной запущен, дик и сложен,
будущее – зыбко и темно,
каждый перед хаосом ничтожен,
а вмешаться – Богом не дано.

* * *

Судьба среди иных капризов,
покуда тянется стезя,
вдруг посылает жёсткий вызов,
и не принять его – нельзя.

* * *

Все в мысли сходятся одной
на счёт всего одной из наций:
еврей, настигнутый войной,
обязан не сопротивляться.

* * *

Не слушая кипящей жизни шум,
минуя лжи возведенный гранит,
опавшую листву я ворошу —
она остатки памяти хранит.

* * *

Для мысли слово – верный друг,
дарящий мысли облик дерзкий,
но есть слова – от подлых рук
на них следы и запах мерзкий.

* * *

Тихо поумнев на склоне лет,
я хвалюсь не всем перед гостями:
есть и у меня в шкафу скелет —
пусть пока побрякает костями.

* * *

Ласкали нежные уста
нам на весеннем карнавале
весьма различные места,
но до души – не доставали.

* * *

В любую речь для аромата
и чтобы краткость убересть,
добавить если каплю мата —
намного ярче станет речь.

* * *

Давно уж море жизни плещет,
неся челнок мой немудрёный,
а небо хмурится зловеще,
и точит море дух ядрёный.

* * *

По мере личного сгорания
душе становятся ясней
пустые хлопоты старания
предугадать, что станет с ней.

* * *

Когда несёшься кувырком
в потоке чёрных дней,
то притворяться дураком
становится трудней.

* * *

Бог людям сузил кругозор
для слепоты как бы отсутствия,
чтобы не мучил нас позор
и не сжигала боль сочувствия.

* * *

Среди всемирных прохиндеев
и где клубится крупный сброд —
заметно много иудеев:
широк талантом наш народ.

* * *

Как робко это существо!
Он тихий, вдумчивый и грустный.
Но гложет жизни вещество,
как ест червяк листок капустный.

* * *

Когда раздора мелкий вирус
неслышно селится меж нас,
не замечаешь, как он вырос
и стал заразней в сотни раз.

* * *

Как это странно: все поэты
из той поры, наивно-дымчатой,
давно мертвы. Их силуэты
уже и в памяти расплывчаты.

* * *

Являя и цинизм, и аморальность,
я думаю в гордыне и смущении:
евреи – объективная реальность,
дарованная миру в ощущении.

* * *

На свете очевидны территории,
охваченные внутренним горением,
где плавное течение истории
сменяется вдруг диким завихрением.

* * *

Я очень тронут и польщён
высоким Божьим покровительством,
однако сильно истощён
своим ленивым долгожительством.

* * *

Разъезженная жизни колея
не часто вынуждает задыхаться —
на мелкие превратности плюя,
вполне по ней приятно бултыхаться.

* * *

Чтобы сгнула злая хандра
и душа организм разбудила,
надо вслух удивиться с утра:
как ты жив ещё, старый мудила?

* * *

Люди молятся, Бога хваля,
я могу лишь явить им сочувствие;
Бог давно уже знает, что я
уважаю Его за отсутствие.

* * *

Я в жизни ничего не понимаю —
запутана, изменчива, темна,
но рюмку ежедневно поднимаю
за то, чтобы продолжилась она.

* * *

В атаке, в бою, на бегу
еврей себя горько ругает:
еврей когда страшен врагу,
его это тоже пугает.

* * *

История капризна и причудлива,
симпатии меняет прихотливо,
играющий без риска и занудливо —
не друг и не любовник музе Клио.

* * *

Со времён чечевичной похлёбки
каждый стал боязлив и опаслив,
но росло и искусство наёбки:
тот, кого наебли, нынче счастлив.

* * *

Хотя война у нас – локальная,
но так еврей за всё в ответе,
что извергается фекальная
волна эмоций по планете.

* * *

Мне близкий друг принёс вино,
чтоб тонкий вкус во мне копился,
меня растрогало оно,
и грубым виски я напился.

* * *

Муза тихо бесится, ища,
чем и как поэта взволновать,
а его, гулящего хлыща,
девка затащила на кровать.

* * *

Кто своей персоной увлечён,
с пылкостью лелея дарование,
рано или поздно обречён
на тоску и разочарование.

* * *

Когда был молод и здоров,
когда гулял с людьми лихими,
я наломал немало дров —
зато теперь топлю я ими.

* * *

Домашним покоем доволен,
лежу то с журналом, то без,
и с ужасом думаю: болен
во мне проживающий бес.

* * *

С работой не слишком я дружен,
таскать не люблю я вериги,
но это наркотик не хуже,
чем выпивка, бабы и книги.

* * *

Браня семейной жизни канитель,
поведал мне философ за напитком:
супружеская мягкая постель —
мечта, осуществлённая с избытком.

* * *

Характер наших жизненных потерь
похож у всех ровесников вокруг,
утраты наши – крупные теперь:
обычно это близкий старый друг.

* * *

Совсем не зная, что частушки —
весьма опасная потеха,
я их читал одной толстушке,
толстушка лопнула от смеха.

* * *

Хотя предчувствие дано
и для счастливых потрясений,
в нас ограничено оно
шуршаньем тёмных опасений.

* * *

Реальность соткана из истин
такой банальности,
что дух, который не корыстен,—
изгой реальности.

* * *

А пока тебе хворь не грозит,
возле денег зазря не торчи,
нынче девки берут за визит
ровно столько же, сколько врачи.

* * *

Натолкнувшись на рифму тугую,
подбираю к ней мысли я строго —
то одну отберу, то другую,
и от этого думаю много.

* * *

Любви жестокие флюиды
разят без жалости и скидок,
весною даже инвалиды
себе находят инвалидок.

* * *

На небо в полной неизвестности
подобно всем я попаду,
сориентируюсь на местности
и вмиг пойму, что я в аду.

* * *

Иллюзия, мираж и наваждение —
такое оптимизму подаяние,
такое для надежды услаждение,
что больно, когда гаснет обаяние.

* * *

Ручьи весенние журчат,
что даль беременна грозой,
на подрастающих внучат
старушки смотрят со слезой.

* * *

Самые великие открытия,
истину даруя напрямик,
делались по прихоти наития,
разум подменявшего на миг.

* * *

Есть люди, чьи натуры певчие —
пушинки духа в жизни мчащейся,
со всем, что есть, расстаться легче им,
чем с этой музыкой сочащейся.

* * *

Поблажек у стихии не просил
в местах, её безумием простроченных,
однако же всегда по мере сил
наёбывал её уполномоченных.

* * *

С возрастом сильней у нас терпение,
выдержан и сдержан аксакал;
просто это выдохлось кипение
и душевный снизился накал.

* * *

У секса очень дальняя граница,
но дух у старика – слабей, чем тело,
и тянет нас от секса уклониться,
поскольку уже просто надоело.

* * *

Стали нам застолья не с руки:
сердце, нету сил, отёки ног,
и звонят друг другу старики,
что ещё увидимся, даст Бог.

* * *

Подземные гулы и громы
слышнее душе на закате,
Харон уже строит паромы,
ему его лодки – не хватит.

* * *

Все текущие беды и сложности
сотворяются, эка досада,
из-за полной для нас невозможности
вынуть шило и пламя из зада.

* * *

Мы в юности шустрили, свиристя,
дурили безоглядно и отпето,
и лишь десятилетия спустя
мы поняли, как мудро было это.

* * *

Сегодня почему-то без конца
я думаю о жизни в райских куцах:
как жутко одиночество Творца
среди безликих ангелов поющих!

* * *

Есть нечто умилительно-сердечное,
и просится душа из тела вон,
когда во мне разумное и вечное
пытается посеять муозвон.

* * *

Всех печатных новинок ты в курсе,
и печалит меня лишь одно:
у кого закавыка во вкусе —
безошибочно любит гавно.

* * *

Читал во сне обрывки текста
и всей душой торжествовал;
и сон исчез; болело место,
о коем текст повествовал.

* * *

Люди, до глубоких тайн охочие,
знают, как устроена игра:
или будет Божье полномочие,
или не нароешь ни хера.

* * *

Иная жизнь вокруг течёт,
иной размах, иная норма,
нам воздаваемый почёт —
прощанья вежливая форма.

* * *

Не разбираюсь я во многом,
достойном острого внимания,
поскольку в разуме убогом
нет сил уже для понимания.

* * *

К судьбе моё доверие не слепо,
и я не фаталист в подвижной клетке,
живой душе надеяться нелепо
на милости бесчувственной рулетки.

* * *

Еврейский Бог весьма ревнив
и для Него – любой греховен:
ведь даже верность сохранив,
ты в тайном помысле виновен.

* * *

Я все утраты трезво взвесил,
прикинул риск от А до Я,
и стал от дивной мысли весел:
теперь законна лень моя.

* * *

К России я по-прежнему привязан,
хоть ездить без охоты стал туда,
теперь я ей чувствительно обязан
за чувство непрестанного стыда.

* * *

Истории бурлящая вода
сметает все преграды и плотины,
а думать, что течёт она туда,
где лучше, – перестали и кретины.

* * *

В игре по типу биржевой
судьба не знает махинаций,
и я вполне ещё живой,
но мой пакет уже без акций.

* * *

Духом ощутимо, видно взглядом,
как непринуждённо и интимно
быт и бытиё здесь ходят рядом
и перекликаются взаимно.

* * *

Накопленные в доме сбережения,
привезённые мной из-за границы,
высокого достойны уважения,
поскольку разлетаются, как птицы.

* * *

Я много думал, подытожа,
что понял, чувствуя и видя;
о жизни если думать лёжа,
она светлей, чем если сидя.

* * *

Нас уже не манит неизвестность,
а что близко, мы переиначили:
всю свою болотистую местность
горными вершинами назначили.

* * *

Свой обывательский покой
оберегая много лет,
я эту жизнь люблю такой —
с домашним запахом котлет.

* * *

Укрытый от азартной суеты
исконно стариковским недоверием,
я нюхаю весенние цветы
с осенним на лице высокомерием.

* * *

Легко могу принять и допустить:
божественно Всевидящее Око,
мой ум готов немного вместить,
но внятное мне – дьявольски жестоко.

* * *

Вчера шепнуло мне сердчишко,
заставив лечь и слух напрячь:
уже ты, милый, не мальчишка,
прижми свой гонор или спрячь.

* * *

Я бросил распускать павлиньи перья,
держусь подобно хрупкому сосуду,
по типу красоты похож теперь я
уже на антикварную посуду.

* * *

С годами наши дарования
ничуть не склонны к убыванию,
легко от самооплевания
склоняя к самолюбванию.

* * *

А жалко мне меня с моим умишком,
до многого я им не дотянусь,
поэтому и трогает не слишком
божественных решений блеск и гнусь.

* * *

Пишу не чтобы насладиться,
меня томит не страсть, а мука,
и я спешу освободиться
от распирающего звука.

* * *

А вечером, уже под освежение,
течёт воспоминательный ручей,
и каждое бывшее поражение
становится достойнейшей ничьей.

* * *

Банально, заурядно и обыденно —
отныне это явь и это есть —
подкравшаяся тихо и невидимо
нас чёрная прихватывает весть.

Часть вторая

Не видя прелести в фасаде,
меня судьба словила сзади.

* * *

Пройдя через опасности и гнусь,
пока тянулись годы заключения,—
ужели я сломаюсь и загнусь
от горестных превратностей лечения?

* * *

Едва я только вышел на опушку,
ища семье для ужина грибы,
судьба меня захлопнула в ловушку,
чтоб реже я шутил насчёт судьбы.

* * *

Годы плавно довели
до больничной койки,
без меня друзья мои
ходят на попойки.
Жарят мясо на огне,
старость нашу хают,
вспоминая обо мне,
горестно вздыхают.
Я, однако, поднимусь
и походкой гордой
я в застолье к ним вернусь
с той же светлой мордой.

* * *

Ещё одно, замеченное мной
у хвори, где сюжет недуга сложен:

от жизни я невидимой стеной
всё время ошутимо отгорожен.

* * *

После этой дурной переделки
безмятежно займусь я старением,
и часов равнодушные стрелки
мне ещё подмигнут с одобрением.

* * *

Я стойко бои оборонные
веду с наступлением сзади,
и дроги мои похоронные —
лишь доски пока что на складе.

* * *

Когда и сам себе я в тягость,
и тёмн мир, как дно колодца,
то мне живительная благодать
из ниоткуда часто льётся.

* * *

Защита, поддержка, опека,
участливой помощи мелочь —
любезны душе человека,
но дарят ей вялую немочь.

* * *

Творится явный перебор
при сборе данных к операции:
такой мне вставили прибор,
что вспомнил я о дефлорации.

* * *

Засосанный болезнью, как болотом,
но выплыть не лишённый всё же шанса,
телесно я сравнялся с Дон Кихотом,
но умственно – я прежний Санчо Панса.

* * *

Свой лук Амур печально опустил,
застыв, как тихий ангел над могилой;
напрасно ты, приятель, загрустил,
ещё мы поохотимся, мой милый.

* * *

Жизненной силы бурление
вкупе с душою шальной —
лучшее в мире явление
из наблюдавшихся мной.

* * *

Забавен в нас, однако, дух публичный:
примерно через два десятка дней
болезнь – уже не факт интимно личный,
и хочется рассказывать о ней.

* * *

Закинут в медицинское верчение,
внутри я подвергаюсь и наружно,
лечение – крутое обучение
тому, что никому из нас не нужно.

* * *

Радость воли, азарт, вожделение —
удалились в глухой монастырь,
мне осталось болезни глумление
и разрушенных планов пустырь.

* * *

Гнусная – однако не позорная —
выпала от жизни мне награда,
горько заскучает беспризорная
и осиротелая эстрада.

* * *

Стану я слегка другим отныне —
словно гонг неслышно прозвучал,
столько оплеух моей гордыне
в жизни я ещё не получал.

* * *

Придётся мириться, подружка,
с печальной моей ситуацией:
с утра электронная пушка
стреляет мне в зад радиацией.
В меня заливается химия,
которая травит и косит,
уже моя внутренность – синяя,
но рак этот цвет не выносит.
Судьбу разозлило, наверно,
моё в облаках почивание,
и послана гнусная скверна,
чтоб вытерпел я врачевание.

* * *

Сделаться бы собраннее, суше
и бронёй укрыться, словно в танке,
чтобы не улавливали уши
звуков затевающейся пьянки.

* * *

Сначала не чувствуешь пути,
внутри не пылает свеча,
становишься болен с минуты,
когда побывал у врача.

* * *

Болезнями даётся постижение
того, чем не умели дорожить,
и есть ещё в болезнях унижение,
которое полезно пережить.

* * *

Я благодаря текущей хвори
с радостью и страхом обнаружил,
что у Бога я ещё в фаворе,
ибо всё могло быть сильно хуже.

* * *

Я вынесу густую передрягу,
но, если не сдержу я это слово,—
отрадно, что над ямой, где залягу,
друзья наверняка хлебнут спиртного.

* * *

Готовлюсь духом к операции,
надеясь тихо и недужно,
что у хирурга хватит грации

лишь то отрезать, что не нужно.

* * *

Когда в халат недуга прочно влез,
а душу манит лёгкая беседа,
родится нездоровый интерес
к течению болезни у соседа.

* * *

Всё, что жизни привольно довлело —
интересы, азарт, обольщения,—
не пропало и не омертвело,
а укрылось и ждёт возвращения.

* * *

Есть виды очень разного спасения
в лихом репертуаре излечения,
и скоро я восторгу облысения
подвергнусь в результате облучения.

* * *

Уверенность, что я перемогнусь,
не снизилась в душе ни на вершок,
поскольку я, конечно же, загнусь,
когда всё будет очень хорошо.

* * *

Приметливо следя за настроением,
я пристален к любой в себе подробности —
как будто занимаюсь измерением
оставшейся во мне жизнеспособности.

* * *

Забавно, как денно и ночью,
до самой могильной плиты
старательно, резво и мощно
мы гоним поток суеты.

* * *

И по безвыходности тоже,
и по надрезу на судьбе —
с тюрьмой недуги наши схожи,
но здесь тюрьма твоя – в тебе.

* * *

Узник я, проста моя природа,
я не тороплю скольжение дней,
в будущем обещана свобода,
я пока не думаю о ней.

* * *

Отнюдь не в лечебной палате —
я дома, гостей угощаю,
однако в больничном халате
всё время себя ощущаю.

* * *

С недугом познакомившись поближе
(с тюрьмой не понаслышке я знаком),
я сходство обнаружил: хочешь выжить —
в тюрьму не погружайся целиком.

* * *

Терпению крутое обучение
ведут со мною славные ребята;
«Мучение – вот лучшее лечение»,—
учили их наставники когда-то.

* * *

Бывают в жизни обстоятельства —
другому знать о них негоже,
и самолучшее приятельство
за эту грань уже не вхоже.

* * *

От шуток хорошо бы отучиться:
живя без их ехидного коварства,
я стал бы эффективнее лечиться,
смех сильно ослабляет яд лекарства.

* * *

Кошмарный сон тянулся густо,
аж голова от пота взмокла:
лежу на ложе у Прокруста,
а надо мною – меч Дамокла.

* * *

Шёл еврей в порыве честном
сесть и тихо выпивать,
но в углу каком-то тесном
рак его за жопу – хватить!

* * *

Я справедливо наказан судьбой,
вряд ли отмолят раввины,
грустный пейзаж я являю собой —
радостей жизни руины.

* * *

Образ жизни мой шальной
стал теперь – кошачий,
и не столько я больной,
сколько я лежачий.

* * *

Но нельзя не подумать, однако,
что причина – в рождения дне:
я рождён под созвездием Рака,
он был должен явиться ко мне.

* * *

Мой рак ведёт себя по-свински,
поскольку очень жить мешает,
а говоря по-медицински,
мне дозу кары превышает.

* * *

Душа металась, клокотала,
бурлила, рвалась и кипела,
потом отчаялась, устала
и что-то тихое запела.

* * *

В болезни есть таинственная хватка —
тюремной очевидная сестра:
почти уже не мучает нехватка
всего, что было радостью вчера.

* * *

Согласно процедуре изучения
плетусь из кабинета в кабинет,
я нынче пациент, объект лечения,
а личности – в помине больше нет.

* * *

Сейчас мои доброжелатели,
пока верчусь я в передрыге, —
отменных сведений жеватели,
я рад, что счастливы бедняги.

* * *

Я к вечеру бываю удручён
и словно опалён огнём из топки —
возможно, потому что облучён,
хотя всего скорей – в тоске по стопке.

* * *

Читаю. Но глаза ещё следят
за очереди медленным течением,
вокруг мои соратники сидят,
печальные, как рак под облучением.

* * *

Сижу поникший, хмурый, молча,
какая ж, думаю, ты блядь:
в меня вселившаяся порча
на душу тянется влиять.

* * *

Завидя жизни кутерьму,
я прохожу насквозь и мимо,
поскольку я для всех незримо
несу в себе свою тюрьму.

* * *

Послушно принимая курс лечения,
покорствую, глаза на всё закрыв,
испытывая счастье облегчения,
когда мне объявляют перерыв.

* * *

Подумал я сегодня на закате:
ведь мы, храня достоинство и честь,
за многое ещё при жизни платим,
что Страшный Суд не может не учесть.

* * *

На время из житейской выйдя школы,
вселился в медицинский я шатёр,
и ныне честолюбия уколы
сменились на уколы медсестёр.

* * *

Тяжелы бесполезные муки,
а успехи – пусты и убоги;
но когда опускаются руки,
то невольно протянутся ноги.

* * *

Да, организм умней меня:
ничуть не возмущившись,
вся неводержанность моя
исчезла, не простившись.

* * *

Встаю теперь я очень рано
и не гужуюсь у приятелей,
в моей тюрьме я сам – охрана,
жена – команда надзирателей.

* * *

В период серый и недужный,
где страхи вьются у двери,
мир делится на мир наружный
и сферу вязкой тьмы – внутри.

* * *

Дела мои сейчас пока неважные,
наездник унитаза я часами,
а мысли все – лихие и отважные,
и все с кавалерийскими усами.

* * *

Судьба жестоко вяжет по канве,
стандартной для недуга моего,
но в каше, что варю я в голове,
не в силах она тронуть ничего.

* * *

Чужими мыслями пропитан,
я, чтоб иметь на них права,—
поскольку в честности воспитан —
перешиваю их сперва.

* * *

На сердце – странные колючки:
прошли ведь вовсе не века,
но вот в Россию едут внучки,
уже не зная языка.

* * *

Пока порхал на ветку с ветки,
пел гимны солнцу и дерьму,
переродившиеся клетки
внутри построили тюрьму.

* * *

Стариков недовольное племя
говорит и в жару и при стуже,
что по качеству позднее время —
несравненно, чем раннее, хуже.

* * *

Художник, пророк и юродивый
со всем, что сказали в запале,
хвалу получают от родины
не раньше, чем их закопали.

* * *

«Завидным пользуясь здоровьем»,
его мы тратили поспешливо,
и этим дедовским присловьем
былое машет нам усмешливо.

* * *

Наивен я: с экрана или рядом —
смотрю на лица монстров без опаски,
мне кажется всё это маскарадом:
да – дикие, да – мерзкие, но – маски.

* * *

Сообразив, что не умру,
владея времени бюджетом,
я превратил болезнь в игру
с отменно жалостным сюжетом.

* * *

Я знаю, почему люблю лежать:
рождён я обывателем и книжником,
а лёжа мне легко воображать
борцом себя, героем и подвижником.

* * *

А время – это всё же мельница,
в её бесшумных жерновах
настолько всё бесследно мелется —
лишь пыль на книгах и словах.

* * *

Срама нет в уподоблении:
нашей юности поэты
всё ещё в употреблении,
но истёрты, как монеты.

* * *

Ген, как известно, – не водица,
там папа, мама, предка примеси;
всё, с чем доводится родиться,
кипит потом на личном примусе.

* * *

В болезни есть одно из проявлений,
достойное ухмылки аналитика:
печаль моих интимных отправлений
мне много интересней, чем политика.

* * *

Под гам высоких умозрений
молчит, сопя, мой дух опавший,
в тени орлиных воспарений
он – как телёнок заплутавший.

* * *

Я думаю часто сейчас,
когда уплотняются тучи,
что хаос, бушующий в нас,
подземному – брат, но покруче.

* * *

Напрасно разум людской хлопочет,
раздел положен самой природой:
рождённый ползать летать не хочет,
опасно мучить его свободой.

* * *

Когда мне больно и досадно,
то чуть ещё маркиздесадно.

* * *

В ответ на все плечами пожимания
могу я возразить молве незрячей:
мы создали культуру выживания,
а это уж никак не хер собачий.

* * *

Свои успехи трезво взвесив
и пожалев себя сердечно,
я вмиг избавился от спеси —
хотя и временно, конечно.

* * *

Покуда жив, пока дышу,
покуда есть и слух и зрение,
я весь мой мир в себе ношу,
а что снаружи – важно менее.

* * *

Мой стих по ритмике классичен,
в нём нет новаторства ни пяди,
а что он часто неприличен,
так есть классические бляди.

* * *

Ужели это Божье изуверство
для пущей вразумлённости людей?
Ведь наши все немыслимые зверства —
издержки благороднейших идей.

* * *

Гуляло по свету гуляющее тело,
в нём очень живая душа проживала,
Россия его разжевать не успела,
хотя увлечённо и долго жевала.

* * *

Мне смыслы, связи и значение —
важней хмельного сладкозвучия,
но счастлив я, по воле случая
услышав музыки свечение.

* * *

Найти побольше общего желая,
я сравниваю часто вхолостую:
тюрьмы любой романтика гнилая —

отсутствует в болезни подчистую.

* * *

Тюрьма: нигде не мучим болями,
я, как медлительный слепой,—
из-за апатии с безволием
на фоне слабости тупой.

* * *

Сегодня пьянка вместо дел,
сегодня лет минувших эхо —
какое счастье, что сидел! —
какое счастье, что уехал!

* * *

Душе распахнута нирвана
и замолкают в мире пушки,
когда касаюсь я дивана,
тахты, кровати, раскладушки.

* * *

Забавное у хвори окаянство:
с людьми общаясь коротко и смутно,
я выселился в странное пространство,
в котором подозрительно уютно.

* * *

В размышлениях я не тону,
ибо главное вижу пронзительно:
жизнь прекрасна уже потому,
что врагиня её — омерзительна.

* * *

К сожаленью, подлецы
очень часто – мудрецы,
сладить с ними потому —
тяжко прочему дерьму.

* * *

В поиске восторгов упоения
разум и душа неутомимы,
нас не ранят горести гонения,
мелкие для чувства, что гонимы.

* * *

Душа твоя утешится, философ,
не раньше, чем узрит конечный свет,
ведь корень всех земных её вопросов —
в вопросе, существует ли ответ.

* * *

Сегодня думал перед сном,
насколько время виновато,
что ото всех борцов с дерьмом
немного пахнет странновато.

* * *

Великая российская словесность,
Россию сохраняя как вокзал,
сегодня просочилась даже в местность,
где житель ещё с веток не слезал.

* * *

Случайно выплывает облик давешний,
и снова ты забыть его готов,
но памяти назойливые клавиши
играют киноленту тех годов.

* * *

Те, кто жил до нас веками ранее,
были нас умами не бедней,
разум наш замусорило знание,
но оно не делает умней.

* * *

Хочу, когда уже я стар и сед,
сказать о чувстве времени двояком:
я гибельному веку – лишь сосед,
хотя в родстве с убийцей и маньяком.

* * *

Наш век пошёл на слом,
запомнясь полосой —
от девушки с веслом
до бабушки с косой.

* * *

Недуг мой крылья распростёр
и грозно вертит пируэты,
а я и зритель, и актёр,
и сцена этой оперетты.

* * *

Состарившись, мы видимся всё реже,
а свидевшись, безоблачно судачим,
как были хороши и были свежи
те розы у Тургенева на даче.

* * *

Увы, но даже духа воспарения
способны довести до изнурения.

* * *

А славно, зная наперёд,
что ждут людей гробы,
и твой вот-вот уже черёд,
под водку есть грибы.

* * *

Сколько б мы, воспаляясь, ни спорили
то изустно, то в текстах несметных —
сокровенные нити истории
недоступны для зрения смертных.

* * *

Верю в точность химических лезвий,
но сегодня почувствовал снова,
что лекарства, сражая болезни,
заодно пришибают больного.

* * *

Я стараюсь отойти при умных спорах,
в них опасная зараза вероятна:
есть умы, от обаяния которых
остаются на душе дурные пятна.

* * *

Когда-то был я вольнодумец,
свободой пылко восхищался,
но стал печальник и угрюмец,
когда с ней близко пообщался.

* * *

Все в мире пьют покоя сок,
не чувствуя беды,
засунув головы в песок
и выставив зады.

* * *

Всё, что вытворяется над нами,
было бы успешно едва ли,
если бы своими именами
всё, что происходит, называли.

* * *

Всегда жива надежда, что однажды
к нам вылетит божественная птица,
получит по заслугам Каин каждый
и Авель каждый к жизни возвратится.

* * *

Подпочвенные рокоты и гулы,
сулящие губительные вспышки,
нисколько не влияют на загулы,

целебные для краткой передышки.

* * *

Удачи и шедевры – не объекты
для пламенной мыслительной игры,
охотней полыхают интеллекты
вокруг пустого места и дыры.

* * *

Старанием умелых докторов
от этой лихоманки я оправлюсь
и сделаюсь физически здоров,
а умственно и так себе я нравлюсь.

* * *

Недуг меня уже подпортил малость:
я чувствую, едва сойду с крыльца,
движений унижительную вялость
и слабую приветливость лица.

* * *

Способствуя врачу по мере сил,
в послушном разговоре о диете
про выпивку я просто не спросил,
чтоб, выпивши, не думать о запрете.

* * *

Поэзия – коварная езда,
я сборники порой листаю честно:
порожние грохочут поезда,
куда, зачем, откуда – неизвестно.

* * *

Когда больные пятна запорошены
снежком уже беспамятной зимы,
сны снятся удивительно хорошие
о том, насколько славно жили мы.

* * *

Всё-таки друзья меня достали
и сидят с уверенной ухмылкой:
качеством закалки твёрже стали,
мой характер – воск перед бутылкой.

* * *

Дом, жена, достаток, дети,
а печаль – от малости:
в голове гуляет ветер,
не пристойный старости.

* * *

Как некогда в те годы заключения,
когда в тюрьме стихи писал надменно,
свидетель я иного злочючения,
в котором – и герой одновременно.

* * *

Когда нас косит века вероломство
и время тапки белые обуь,
сильнее в нас надежда на потомство,
которое отыщет лучший путь.

* * *

А что, скажи по сути, делал ты?
Не скромничай, ведь это между нами.
Я смыслы извлекал из пустоты
и бережно окутывал словами.

* * *

Становится тоскливо и ненастно,
и жмутся по углам венцы творения
везде, где торжествует самовластно
конечный результат пищеварения.

* * *

Споры стали нам духа опорой,
даже с Богом мы спорить не трусили,
нету в мире хуйни, над которой
не витали бы наши дискуссии.

* * *

С моим недугом я расстанусь,
одну измену не простив:
меня подвёл двуликий анус,
врага преступно пропустив.

* * *

Чтоб лавры обрести, не суетись,
не сетуй на житейские морозы,
тебе даны стихи, чтобы спастись
в растлительном потоке низкой прозы.

* * *

С меня заботы жизни дружно слезли,
у взгляда сократилась территория,
теперь моя история болезни —
единственная личная история.

* * *

Я облучением так потрёпан,
что не могу ни встать, ни сесть,
и даже дружеского трёпа
ещё не в силах перенести.

* * *

Вот на восьмом десятке лет
и пишутся стихи,
поскольку сил у деда нет
на прочие грехи.

* * *

Люблю, чтоб шёл жених к невесте,
люблю чувствительные сказки,
и всей душой мне в каждом тексте
счастливой хочется развязки.

* * *

Когда-то я мчался на полном скаку
и ветры хлестали по мне,
сегодня я с кайфом лежу на боку,
а как надоест — на спине.

* * *

Увижу ли я тех, кого хочу,
на небе, недоступном для живого?
Я преданно смотрю в лицо врачу,
не слыша и не слушая ни слова.

* * *

Чтоб не болтать о муках ада,
к земным я лучше перейду:
врагу – и то желать не надо
мою зубную боль в заду.

* * *

Какое-то заразное влияние
оказывают книги на меня:
медлительное словоизлияние
томит меня потом к исходу дня.

* * *

Дурная боль не сломит лоха,
упрямство клонит к терпежу;
хожу сейчас я крайне плохо;
сизу – едва; но как лежу!

* * *

На заре поют зазря соловьи,
трели ранние во мне безответны,
утром сумеречны чувства мои,
а под сумерки – светлы и рассветны.

* * *

Сколь у нас ни будь ума и чести,
совести, культуры, альтруизма,
тайно покурить в запретном месте —
счастье для живого организма.

* * *

– Послал ему Бог испытание!
– А что с ним? – Почти ничего:
постигло его процветание,
молитесь за душу его.

* * *

Всякой боли ненужные муки
не имеют себе оправданий,
терпят боли пускай только суки,
что брехали о пользе страданий.

* * *

Повысить о чём-нибудь знание —
могу я, хотя и натужно,
когда б не предвидел заранее,
что это ни на хер не нужно.

* * *

Время течёт не беззвучно,
время бурлит и журчит,
внуки докажут научно
факт, что оно не молчит.

* * *

Свалился я под сень моих чертогов,
овеян медицинским попечением,
сейчас уже лечусь я от ожогов,
содеянных заботливым лечением.

* * *

Перечёл – и по коже мороз,
обнаружил я признаки грозные,
что уже на пороге склероз:
мысли стухли и стали серьёзные.

* * *

Сказать про жизнь, её любя,
точней нельзя: сапог не парный,
и то тюрьма вокруг тебя,
то дружной пьянки дух нектарный.

* * *

Звучит, как скверный анекдот,
но жребий не кляня,
я выздоравливаю от
лечения меня.

* * *

Всё срастается на теле живом,
но ещё за стол не сесть, не поврать;
выздоровливаю я тяжело;
это лучше, чем легко умирать.

* * *

Тревожат Бога жалобой, прошением,
те молят за себя, те – за других,
а я к Нему – с циничным утешением:
терпи, Ты всё равно ж не слышишь их.

* * *

Невнятное томит меня смущение —
с душой, видать, не всё благополучно:
с людьми недуг порвал моё общение,
а мне ничуть не пусто и не скучно.

* * *

Висит над миром шум базарный,
печь разногласий жарко топится,
и тихо полнятся казармы,
и в арсеналах гибель копится.

* * *

Всегдашнее моё недоумение —
зачем живу, случаен и безбожен,
сменилось на уверенное мнение,
что этого Творец не знает тоже.

* * *

Надо мне известности не боле,
чем недавно выпавшая мне:
два моих стишка в какой-то школе
в женском туалете на стене.

* * *

Творец давно уже учёл
всего на свете относительность,
и кто наукам не учён,
у тех острей сообразительность.

* * *

Свалюсь под уважительную крышу
признания, что скорбен и недужен,
окрестной жизни гомон я не слышу —
похоже, он давно мне был не нужен.

* * *

Везде стоят солидные ряды
и книги возлежат на них залётные —
то мудрости трухлявые плоды,
то пошлости порывы искромётные.

* * *

Нет, я уже не стану алкоголиком,
и я уже не стану наркоманом,
как римским я уже не буду стойком
и лондонским не сделаюсь туманом.

* * *

Чей разум от обычного отличен —
сгорают на огне своём дотла,
а мой умишко сильно ограничен,
поэтому печаль моя светла.

* * *

За все про все идейные течения
скажу словами предка моего:
«Любого не боюсь вероучения,
боюсь только апостолов его».

* * *

Одна лишь пагубная линия
заметна мне в существовании,
по ней ведёт нас блуд уныния,
ловитель кайфа в остывании.

* * *

Я в молодости часто забывал,
как выглядел конец вечерней пьянки,
а утром этот памяти провал
оказывался девкой с той гулянки.

* * *

С той поры, как нашёл этот дивный
метод битвы с недугом паскудным,
я использую самый активный
вид лечения – сном непробудным.

* * *

Среди бесчисленных волнений,
меня трепавших без конца,
всегда была печаль сомнений
в доброжелательстве Творца.

* * *

Я тщательно, порой до неприличия,
найти пытаюсь тайное тавро:
у зла ведь очень разные обличия,
всех чаще это – светлое добро.

* * *

Сам я счастлив бы стал, в человеках

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.